
МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

О ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЕ РОМАНА Э. М. ФОРСТЕРА “ПОЕЗДКА В ИНДИЮ”

© 2011 г. Н. Я. Дьяконова

В статье показано, что обращение к важнейшим социальным и этическим проблемам – в традициях реализма XIX века – сочетается в романе Форстера с демонстрацией иррациональности и абсурдности происходящего, более характерной для литературы модернизма. Такая двойственность во многом определяет и особенности художественной структуры романа.

The paper shows that E.M. Forster's treatment of the most important social and moral issues in accordance with traditions of the 19th-century Realism in his novel “A Passage to India” is touched with irrationality and absurdity in the presentation of reality that are characteristic of Modernism. This kind of duality marks certain aspects as well as the artistic structure of the novel as a whole.

Ключевые слова: традиции реализма, модернизм, художественная структура, англичане, индийцы.

Key words: realistic traditions, Modernism, artistic structure, the British, the Indians.

“Поездка в Индию” (1924) Э.М. Форстера (1879–1970) рассматривается обычно как образец антиколониального романа, выдержанного в традициях реализма. Между тем в нем просматривается также и ориентация на принципы изображения мира и человека, более характерные для литературы эпохи модернизма. Вообще, в английской литературе конца XIX и первых десятилетий XX века, как и в других европейских литературах, отмечает Е.Ю. Гениева, “сложно и тесно взаимодействуют различные направления, тенденции и методы”, а “опора на традицию соединяется с беспокойными поисками способов обновления повествовательного искусства” [1, с. 368–369]. Действительно, освоение опыта “новой литературы” сказывается в той или иной степени во всей художественной структуре романа: и в особенностях конфликта, и в изображении характеров, и в построении сюжета, и в речи персонажей. Именно об этом и пойдет речь в предлагаемой статье.

По мнению читателей и критиков, “Поездка в Индию” была важнейшим и самым сильным произведением Форстера. Написанию ее предшествовали пребывание писателя в Индии в 1912–1913 гг. и более длительное – в 1924 г., когда (под именем Моргана) он был секретарем индийского вице-короля маленького государства Дьюис (Dewas). Фактическая основа событий позже передана Форстером в удивительных письмах к родным, составляющих его более позднюю книгу “Холм Деви” (*The Hill of Devi*, 1953). В целом Форстер провел в Индии около двух лет, глубоко вник в суть терзавших ее бедствий и описал их

грубую бессмысленность. Вопреки официальной идеологии своей родины, он рисует мрачную картину английского колониального владычества, устраненного много позже, в 1947 г. – именно так, как он и желал – уходом английских войск и администрации [2, с. 1–16].

Драматизм политической борьбы раскрывается в романе в неразрывной связи с проблемами нравственно-психологическими. Действительно, корыстная и антигуманная позиция Англии в завоеванном ею государстве исследуется Форстером не только в своей губительности для Индии, но и в ее дурных нравственных последствиях для самой Англии. Искусство Форстера проявляется в наглядной демонстрации моральной ущербности, неизбежной в обстановке политического произвола. Беспощадная жестокость политического и экономического давления англичан на покоренную ими Индию ведет не только к активному сопротивлению угнетенного народа, но и к духовному противостоянию, взрыву гневных чувств. Политически предопределенные, они получают моральную окраску, пагубную для завоевателей и покоренных, в разной степени и по-разному лишая их человечности. Безнравственно само нежелание англичан признать неизбежность расхождений между собой и народом, глубоко отличным по уровню общественного и культурного развития, и, соответственно, имеющим право на свободу самоопределения. Отвергая предписываемый христианством урок доброты к более слабым – к индийцам – британские власти сами оказываются в неустойчивом положении, опасном для их репу-

тации и для успеха их деятельности в колониях. Безнравственность пагубна не только для оскорбляемого, но и для оскорбителя.

Парадоксальность ситуации проявляется и в том, что, покорив Индию, Англия способствовала внутренним раздорам в ее пределах, например, раздору между мусульманами и индусами. Но поскольку прекратить распри силой могут только англичане, получается, что “они нужны Индии” (с. 95–96)¹. Зловещие странности быта и нравов Индии, где даже празднества неизменно сопровождаются несчастными случаями, свидетельствуют о неразрешимой путанице господствующих в стране политических, моральных, религиозных понятий (с. 314).

Глубина расхождений между народами передается даже в мелких эпизодах. Так, английская дама усвоила из местного диалекта только повелительное наклонение, чем и вызвала обиду местных жителей (с. 42). В изображении Форстера несогласия и обиды, возникающие в тесном общении англичан и индийцев, отражают трагическую несправедливость и абсурдность происходящего [4, с. 240].

* * *

Именно бессмысленность и абсурдность сложившейся в стране ситуации во многом определяет своеобразие конфликта и сюжета романа, который не имеет ни ясно обозначенного начала, ни конца. Сперва неожиданно упоминаются Марабарские пещеры (таинственный и загадочный символ!), которые потом играют важную роль в развитии фабулы; завершается же произведение расставанием друзей, доктора Азиза и учителя Филдинга, представляющих враждующие стороны и страны – Индию и Англию. Фабула романа сводится к подготовке, слушанию и последствиям судебного дела против врача больницы индийского города Чандрапор, доктора Азиза, и кончается неожиданным его оправданием. Коротко говоря, индеец обвиняется в попытке изнасилования англичанки во время экскурсии в Марабарские пещеры. Однако простота фабулы, в нарушение традиционной логики повествования, вступает в решительное противоречие с крайней сложностью описанных психологических процессов. Остается неясным, что заставляют “положительную” героиню, Аделу Куэстед, выдвинуть ложное обвинение. Лишены ясности взаимоотношения разнонациональных персонажей и их участие в судебном разбирательстве. Еще более смутно зна-

чение этой структурной основы романа выглядит в развернутой автором панораме “Англо-Индии” и представляющих ее лиц [4, с. 1–4].

Сюжетным центром драматических событий романа становится суд над индийским доктором Азизом, обвиненном в покушении на насилие и убийство английской барышни Аделы Куэстед, невесты английского правителя города Чандрапор Ронни Хэзлопа. К этому событию подведены все нити повествования и детали описания, в том числе достопримечательностей края – Марабарских пещер – месте мнимого преступления доктора Азиза. Все последующее за судом убедительно показано как его результат. Бросая вызов рациональной логике, Форстер, без малейшей мотивировки, упоминает о пещерах в первых строках книги. Сюжет впечатляет не столько важностью определившей его проблематики, сколько психологической сложностью вытекающих из нее отношений персонажей. Вопреки стандартам сюжетостроения, главные герои – индийский доктор Азиз и английский преподаватель Филдинг, – как уже упоминалось, не представляют борющиеся стороны: Филдинг выступает как главный защитник Азиза, хотя видит его недостатки и слабости.

Наряду с великодушием, жадой знания и служения своему народу, у Азиза выработались комплексы представителя угнетенной нации: желание себя показать, подчеркнуть свое превосходство и неподвластность принятым правилам. Он, мусульманин, одинок, и среди англичан, не признающих права индийской интеллигенции, и среди индийцев [4, с. 7]. Чувства героев изображены в драматическом несоответствии с требованиями благоразумия: хотя Филдинг поддерживает Азиза и верит в его невиновность, принадлежность к разным культурам, несхожесть воспитания, круга общения, вызывает, при всей взаимной симпатии, неполноту понимания и вспышки нетерпимости.

Психологическая сложность передана через бытовые мелочи (например, заколка для рубашки, которую Азиз жертвует Филдингу в начале знакомства – (с. 4) и которая позже возвращается к нему и с мучениями вставляется в его рубашку – с. 65). Или детали интеллектуальных разговоров: в словах Филдинга о постимпрессионизме Азиз видит сомнение в своей образованности (с. 165).

Вера Форстера в неразрывность морали и политики позволяет ему раскрыть уродливость, искажающую души угнетателей и угнетенных. Именно в ходе судебной акции в полной мере обнаруживается, в какой клубок болезненных противоречий и нарушений нравственного чувства

¹ Здесь и далее ссылки на текст романа даются по изданию [3] – в круглых скобках. Русский перевод наш. – Н.Д.

превратилась Англо-Индия. Каждый поворот судебного действия имеет двойную – политическую и морально-психологическую – мотивировку. Она обнаруживается после отказа Аделы от своих, внушенных ей галлюцинацией, показаний против Азиза: смена бурных выступлений англичан и индийцев, чередование бешенства и восторга, победы и поражения, круговорот нелепостей рождают по-новому безвыходные ситуации.

Отказавшись от показаний против Азиза, Адела подвела англичан и, казалось бы, должна была заслужить симпатии индийцев, которых она выручила. Но, увы: они “не хотели ни видеть, ни слышать ее и жали друг другу руки через ее плечи и кричали сквозь ее тело” (с. 230–231). Между тем в глазах английских политиков Адела оказалась предательницей.

Таким образом, гуманное решение суда “не виновен” ведет не к примирению, а к углублению конфликта. Вопреки надеждам британской администрации нанести непоправимый удар национальной чести индийцев, отводят этот удар... англичане – Адела и учитель английской школы Филдинг с его настойчивыми показаниями в пользу обвиняемого. Сложное сочетание общественных и личных переживаний, противоречивое соединение силы духа и человеческих слабостей характеризуют главных героев “Поездки в Индию”. Образ Филдинга, по-видимому, отчасти автобиографический, демонстрирует неразделимость гражданского и личного. Сходное единство очевидно в облике индийского доктора Азиза. Дружба их глубоко мотивирована широтой их взглядов, способностью подняться над национальными предрассудками. Движимый принципами общечеловеческой справедливости, Филдинг добивается судебного оправдания Азиза, но в момент победы, вопреки ожиданию, испытывает не радость, а смятение и щемящую жалость к участи Аделы, которая своим двусмысленным поведением оттолкнула от себя и англичан, и индийцев.

В тонком и проницательном изображении Форстера даже благополучные обстоятельства – победа Азиза и участие в ней Филдинга – не устраняют объективные трудности на пути их сближения. Длительная межнациональная вражда приводит к тому, что в их разговоре после суда через каждые две-три реплики вспыхивают взаимное раздражение, порой комическое. Азиз благодарен Филдингу за поддержку, но крайне раздосадован его заступничеством за Аделу. Он не может согласиться с Филдингом, который полагает, что не следует брать с нее деньги за ложное обвинение. “Я вижу, – говорит Азиз, – что Сирил Филдинг очень

славный парень и мой лучший друг, но в известном смысле дурак. Он воображает, что пощадив Аделу, я добьюсь высокой репутации в Индии. Но нет, я только унижусь, и меня будут подозревать в подлизывании к англичанам” (с. 252).

Неполнота взаимопонимания едва не приводит Азиза и Филдинга к полной размолвке (с. 293). На слова Филдинга: “Азиз, ваши чувства никогда не соответствуют вызвавшим их обстоятельствам!” – Азиз отвечает: “А что, чувства – это мешок картошки, которую кладут на весы? Я что – машина?” (с. 253, 254). Такого рода болезненно-острые столкновения особенно выразительны и показательны в последнем разговоре Азиза и Филдинга. Врач и учитель, люди честные и чуткие, они, казалось бы, неразлучны. Но национальная трагедия сильнее индивидуальной воли, и они должны расстаться; против них “высохшая земля, обломанные ветки, дурно пахнущая дичь” (с. 322).

Вообще, попытки англичан и индийцев понять друг друга либо ведут к беде, либо крайне затруднены, так как наталкиваются на стену скуки и равнодушия, возведенную англичанами и их культом официальщины (officialdom) (с. 188). Тесное переплетение взаимоисключающих интересов приводит к путанице (muddle) или к придуманному Форстером абстрактному обозначению “путаничество” (muddledom) (с. 208). Даже расположенный к индийцам Филдинг, понимающий, что им “нужна доброта и еще раз доброта”, размышляет весьма критически о странной нации, которая “больше нуждается в опьянении, чем в здравом смысле” (с. 117). Из глубин официального “путаничества” рождается оправдание индийского врача Азиза. Но оно оказывается и торжеством, и поражением; в нем выявляются рожденные колониализмом слабые и сильные стороны двух народов. Критически рисует Форстер и отношение индийцев к Аделе, их неверие в ее искренность и досаду за недостаточную эмоциональность ее выступления. На уровне своих соотечественников оказывается и спасенный Аделой доктор Азиз: он тем более злится на ранящую его самолюбие некрисовость своей партнерши в эффектной сцене суда, что вынужден, как джентльмен, отдать ей деньги, которые она заплатила за свое ложное обвинение. Холодность Азиза весьма чувствительна и для Аделы, ибо, взяв назад несправедливую, внушенную галлюцинациями жалобу, она потеряла своего могущественного жениха, градоправителя Хэзлова, который опасался: поднятый ею скандал повредит его карьере – лишний раз покажет неискренность внимания англичан к нуждам индийцев.

Форстер рисует англичан, которые становятся “евразийцами”, и индийцев, которые “до последнего вершка” превращаются в англичан (*every inch an Englishman*) (с. 88), но продолжают враждовать. Так, мелкими обидами и несдержанными словами досаждают друг другу, вопреки своим добрым намерениям, Адела и Азиз даже после благополучного исхода судебного разбирательства: “Вы непохожи на других, – сказал Азиз, – вы никогда не будете грубить моим соотечественникам”, – “А мне говорили, что через год мы все начинаем грубить!” – “Это ложь”, – вспыхнул Азиз, ибо она сказала правду, которая задела его за живое. Он сразу опомнился и засмеялся, но ее ошибка испортила их разговор» (с. 146). Внутренне они остаются друг другу чуждыми, неприятными, ни в чем не искренними. Как пишет Форстер, “внутреннее предательство выматывает душу” [5, с. 23]. Неоднозначность эмоций комически проявляется в расхождении между намерениями героев и их осуществлением. В дружеской беседе с Азизом Адела весело задает ему, мусульманину, бестактный вопрос о числе его жен (с. 153); ощущение отрицательной реакции собеседника вызывает у нее раздражение, которое комически звучит в восклицании, ничуть не связанном с темой разговора: “Надоело мне путешествовать!” (с. 153). Нелепая реплика передает тщету существования героини.

Внутренняя холодность, неустойчивость всех видов душевного контакта между англичанами и индийцами раскрывается и в печальных переменах характера миссис Мур, матери градоправителя Хэзлопа. Свидетельница непрекращающихся межнациональных столкновений, она, женщина стойкая, добрая, открытая чужим взглядам, становится раздражительной, недружелюбной. Неразрешимость ситуации символически воплощена в ее смерти на корабле по пути на родину и в захоронении ее в море, недалеко от Индии. “Миссис Мур дошла до состояния, при котором ощущаются только беспросветность и ничтожность вселенной” (с. 204) и торжество “путаницы” (с. 175). Таким образом, одна из величайших социально-политических трагедий всемирной истории предстает в романе Форстера как источник пагубного воздействия на судьбы отдельных людей – равно индийцев и англичан.

* * *

Своеобразие авторской позиции передается в романе подчеркнуто грубоватой образной конкретностью и разговорностью его стиля. Бросается в глаза увлечение писателя словесным экспериментаторством, его пристрастие к демон-

стративно сниженной лексике, антипоэтическому, ироническому словоупотреблению. Он пишет об “индианизации миссис Мур” (*indianization*) (с. 257); о религии, стерилизованной в школе (*Ronny's religion was of the sterilized public school brand*) (с. 257). Неискренность общения Аделы и Филдинга передана сравнением их дружеской беседы с рукопожатием карликов (*a friendliness as of dwarfs shaking hands was in the air*) (с. 264).

Кажущаяся непритязательность ничуть не препятствует выразительности авторской речи. Напротив того, “странные” сочетания наподобие “непоправимо неточный” (*incorrigibly inaccurate*) (с. 171), “на краешке сознания” (*the edge of consciousness*) (с. 113), “презрение глубины в бездну” (*abysmal contempt*) (с. 228), “безобразно до безумия” (*insanely ugly*) (с. 293), подчеркнутая неправильность словообразования – “школьно-учительские” (*schoolmistressy*) (с. 244), – явная нелепость определений – “смешное кораблекрушение” (*funny shipwreck*) (с. 317), “странный победный обед... на который они победоносно опоздали” (*a queer victory dinner for which they were victoriously late*) (с. 234, 248) – делают язык автора еще более ярким и запоминающимся.

В тексте романа появляются юноши “полубоги-полухулиганы с колбасами цветов на шее” (*half gods, half guys; with sausages of flowers round their necks*) (с. 233). Сочетание необычной образности с обыденными, то грубоватыми, то официально-формальными речевыми навыками создают характерное для Форстера слияние насмешки, презрения и печали. Таково язвительное определение красноречия пребывающих в Индии англичан: “Квалифицированное хвастовство зачерствелого чиновника” (*the qualified brag of the callow official*) (с. 81). Или желание Азиза “стряхнуть со своих ног прах Англо-Индии” (с. 18); таково и его скорбно-ироническое суждение: “Какое нам дело до несчастья, если мы все несчастливы вместе?” (с. 73). Теперь ничто не важно, ибо, как объявляет Филдинг, “в Англии можно сделать Индию, так же как в Индии Англию” (с. 73).

Печально насмешливы и многие декларации Форстера от собственного имени: “Англичане пришли в Индию с намерением переделать ее, но оказались вплетены в ее бытие и покрыты ее пылью” (с. 214). Грустная ирония Форстера распространяется и на религиозно-церковные понятия и образы: “Колокола сильно звенели в честь Англо-Индии – и слабо в честь человечества” (с. 100). Осмеивается и традиционная религиозность национального гимна Великобритании: “Бог, который спасает короля, конечно же, спасет

полицию” (с. 211). Мрачная ирония окрашивает заключение Форстера о том, что надо “видеть в жизни таинства, дабы не считать ее путаницей” (с. 263).

* * *

Подводя итоги сказанному, повторим: в лучшем своем романе “Поездка в Индию” Э.М. Форстер обратился к проблеме чрезвычайно острой и болезненной – англо-индийскому национально-политическому конфликту. Причем он сумел показать не только остроту и неразрешимость этого конфликта, но и раскрыть его абсурдно-иррациональный характер, деформирующий всю систему духовно-нравственных ценностей представителей обоих народов, обеих враждующих сторон, вносящий хаос, неразбериху и путаницу в нормальные человеческие отношения. Всё это и предопределило глубинную, органичную связь проблематики и поэтики романа не только с тра-

дициями классического реализма, но и в какой-то мере – с художественными принципами литературы эпохи модернизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История всемирной литературы. Т. 8. Гл. 10. Английская литература. М., Наука, 1994.
2. Красильников А.Г. “Поездка в Индию” Эдварда Моргана Форстера как антиколониальный роман. Автореф. канд. дисс. ... Л., 1981.
3. Forster E.M. A Passage to India. London; New-York, 1984.
4. Жантиева Д.Г. Эдвард Морган Форстер // Английский роман XX века. М., 1965.
5. Forster E.M. Selected Letters. Ed. by Lage M. and Furbank P. N. Harvard University Press, Cambridge; Massachusetts, 1993. Vol. II (письмо Флоренс Баргер – Florence Barger – 22. IV 1922).